

УДК 338.984

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ В ИЗУЧЕНИИ СЕВЕРА И АРКТИКИ РОССИИ

В.Н. Лаженцев

Лаженцев Виталий Николаевич – доктор географических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия, 167982. E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru.

Север и Арктика правомерно относятся к объектам междисциплинарных исследований, методология проведения которых затрагивает содержание предметов самих наук. Их неформальное сближение ради решения комплексных проблем предложено проводить путем сопряжения ключевых понятий каждой научной дисциплины, включенной в исследовательский проект, и целенаправленного использования разнообразных аналитических методов. В междисциплинарности первостепенное значение приобретают не атрибуты внешнего (многоаспектного) описания объекта исследования, а его внутренние характеристики. В изучении Севера и Арктики социально-экономическая география играет наиболее существенную роль, если она включена в междисциплинарный синтез (наряду с физической географией, статистикой, региональной экономикой, социологией и др.) своей «финальной частью» – научной дисциплиной, изучающей территориальные природно-хозяйственные комплексы. Последние представлены как общественные геосистемы, имеющие примерно равную размерность с природными геосистемами. При таком подходе к междисциплинарности Север и Арктика, взятые в целом, не являются социально-экономическими системами, а потому их основная проблематика переходит на локальный и региональный уровни.

Север, Арктика, география, междисциплинарный синтез, геосистемность, природно-хозяйственный комплекс.

DOI: 10.14530/se.2015.4.117-130

ГЕОГРАФИЯ И ПОЗНАНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Познание и объяснение природы Сибири, Севера и Арктики, жизни коренных народов географическим было изначально, то есть представлялось государству и обществу как открытие новых земель и морей для пользы и приращения богатства России. С экономической точки зрения «колониза-

ция русского элемента» рассматривалась в качестве необходимого условия первоначального накопления капитала и в этом смысле ничем не отличалась от Великих географических открытий мореплавателей стран Западной Европы. Но социальный аспект внутренней колонизации России в корне отличался от создания мировой колониальной системы с военным покорением аборигенных народов Северной и Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии, что в то время можно было трактовать как создание новой системы рабовладельческого строя экономики.

Российская же государственность включала в свой состав восточные и северные земли и народы фактически без войн, распространяла на них сложившиеся в «метрополии» нормы и правила административно-территориального устройства, институтов собственности и общественных отношений с учетом особенностей управления и хозяйственных укладов местного населения. Как и в Центральной России, на ее новых окраинах возникли в разных формах провинции, губернии, уезды, волости, земства, душевые подати, общинные пай, церковные и государевы земли и т. п., но не было крепостного права. Последнее обстоятельство имело общегосударственное значение и служило мощным фактором развития товарного сельского хозяйства, а затем – транспортного и промышленного строительства.

Землепроходцы-казаки, крестьяне-колонисты и рабочие горных округов зачастую объединялись с местным населением; представители аборигенного слоя также становились участниками открытий земель и природных богатств, вносили существенный вклад в понимание специфики либо степного, либо таежного, либо тундрового хозяйства, а также морского промысла.

Опыт местных жителей способствовал приобретению новых знаний об окружающей человека среде. Более того, сами люди стали «предметом» пристального внимания со стороны государства и «колонистов». И в настоящее время исследователи, отдающие приоритет этнокультуре, полагают, что рассматривать Север и Арктику необходимо, исходя, прежде всего, из интересов и потребностей укорененных здесь народов. Их культура, язык, хозяйственные традиции самоценны и представляют достояние всего мирового сообщества. Карелы, коми, якуты, малочисленные этносы, а затем и русские на Севере России сформировали относительно устойчивые историко-культурные ядра жизнедеятельности, будущее которых предопределено, главным образом, внутренними источниками развития: самоорганизацией, производительным трудом, воспроизводством человеческого и природно-ресурсного потенциалов, включением в национальные и мировые хозяйственные системы. Но при этом немаловажное значение имели и имеют внешние условия, прежде всего – государственная национальная и региональная политика.

Исторический аспект освоения территорий и их обустройства в сложных природно-климатических условиях и ныне представляет практический интерес. Он заключается в иллюстрации того, что отдельные хозяйственные акции, например, хождение за пушниной и золотом, не заложили основ индустриального освоения Севера. Такие основы, как предпосылки были созданы транспортным строительством и сельским хозяйством южных территорий европейского Севера, Предуралья и Сибири; частный капитал не консолидировался ради решения крупных хозяйственных задач, что наблюдается и в настоящее рыночное время. Никто из отдельно взятых хозяйствующих субъектов не обладал и не обладает капиталом, соразмерным с масштабами эффективного промышленного природопользования и индустриализации восточных районов страны [11].

Необходимо государственное участие, но не только ради решения общих задач национальной экономики; каждый раз при реализации крупных производственных проектов надо думать и об интересах местного населения. Поэтому соединение хозяйственных и государственных функций во вновь осваиваемых районах допустимо и иногда полезно, если оно не сопровождается ущемлением прав человека. Примеры владений Строгановых, Дальстроя, Главсевморпути, Беломорканалстроя, Мурманской железной дороги показывают как положительные, так и отрицательные стороны такого соединения. И, конечно, освоение новых территорий недопустимо с помощью политической ссылки («Архипелаг ГУЛАГ»), экономической дискриминации окраин страны, насильственного переселения и т. п. Наличие в СССР перечисленного в 1920–1940 гг. можно характеризовать как государственный феодализм – одну из форм жестокой эксплуатации народа, особенно крестьянства.

Знание о новых территориях и способах их освоения и обустройства имеет комплексный характер (от геологии до политики), что и стало самой существенной чертой отечественной социально-экономической географии.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ВНУТРИ ГЕОГРАФИИ

Освоение Сибири (включая Дальний Восток), Севера и Арктики побудило царское правительство к детальной ревизии состояния Российской империи. Такого рода географическое описание являлось по сути комплексным страноведением и базировалось на совокупности различных сведений о природных объектах, политических и социально-экономических процессах. Это был «вынужденный» междисциплинарный синтез, который требовал от исследователя энциклопедических знаний.

И в настоящее время научный работник, изучающий, скажем, террито-

риальные хозяйственные системы, одновременно выступает в нескольких ролях: статистика, экономиста, социолога, географа; ему необходимы инженерные знания в области природопользования, технологии производства и транспорта, а также физического планирования. Постоянно думать о себе как о «чистом» специалисте в таком процессе не приходится, да и нет в этом необходимости. Каждое исследование по своей сути междисциплинарно. Однако наступает момент, когда требуется вычлениить самые существенные характеристики изучаемого объекта. И если этот объект, в нашем случае – территориальная хозяйственная система, является в целом принадлежностью социально-экономической географии, то возникает задача трансформации определенных элементов перечисленных наук в географическое знание. Исходные данные могут быть разными (геологическими, биологическими, экономическими, социальными, экологическими, техническими), но на выходе необходимо иметь показатель географический.

В других географических науках ситуация примерно такая же: географическим исследование становится тогда, когда отдельные компоненты природы взаимосвязанно рассматриваются в границах территориальных сочетаний данных компонентов.

За отправную точку междисциплинарности примем суждение Н.Н. Колосовского: «Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым является понятие о числе, в физике – понятие о материи и энергии, в биологии – учение о первичном живом существе – клетке, в географии – учение о районах. Эти простейшие на первый взгляд вопросы оказываются в конечном рассмотрении настолько сложными и трудными, что вызывают необходимость вновь и вновь к ним возвращаться по мере углубления научных знаний» [3, с. 15].

Сопряжение ключевых понятий различных наук ради формирования общего представления об изучаемом объекте является своего рода началом междисциплинарного исследования; использование специфических методов двух-трех смежных наук для разработки алгоритма решения конкретной научной проблемы – его продолжением.

Философско-методологические предпосылки междисциплинарности в географии традиционно объясняются двухсторонним строением материального мира: природа и общество. Н.Н. Колосовский в 1951 г. писал: «Географическая наука изучает, с одной стороны, природную среду (физическая география), а с другой – производительные силы человеческого общества (экономическая география) в их взаимной связи, территориально – на земном шаре в целом, по странам и районам» [3, с. 24]; «...должна существовать закономерная территориальная связь между районами экономическими

и природными...» [3, с. 27]. Междисциплинарность в данном случае выглядела вполне естественной и понятной большинству географов, пока не появилось идея «...нерасчлененной географии, существующей наряду с физической, экономической географией и географией населения» [1, с. 4]. Дефиниция «географии» изменилась.

Ю.Г. Саушкин, исходя из идеи нерасчлененной (единой) географии, в 1980 г. дал такое ее определение: «Современная география – наука о законах развития пространственно-временных систем, формирующихся на земной поверхности (в масштабе, позволяющем представить их на общегеографических и тематических картах) в процессе взаимодействия природы и общества, о методах регулирования этих систем и управления ими» [9, с. 11]. Однако что представляют собой «пространственно-временные системы» – каждый географ трактует по-своему, а потому вопрос о нерасчлененности (единстве) географии до сих пор остается открытым и воспринимается лишь в качестве ориентира целесообразности компоновки структурных элементов географической оболочки Земли в рамках общей для всех наук парадигмы «пространство – время». Невольно возникает опасность абсолютизации пространства, как будто оно (да еще время) и есть все сущее. Между тем пространство и время лишь формы существования материи, но не сама материя, тем более – не сама жизнь. «Единая» география, если она рассматривает пространство как общеполитическую категорию, может попасть в ложное положение беспредметности.

В связи с такой опасностью рекомендуем обратить внимание на теоретически и методологически весьма значимые позиции Б.М. Ишмуратова. Он пишет: «Не «номенклатура», названия, разрозненные самодовлеющие факты (вещи) сами по себе, но целостные формы организации (взаимодействия) природы, с одной стороны, человеческое общество как высшая форма развития природы, как мощный фактор воздействия на окружающую природу и пользователь ею (т. е. как определенная совокупность производительных сил и идеалов, хозяйство как связь природы и общества) – с другой: вот то поле деятельности географии» [2, с. 30]. География (по Б.М. Ишмуратову) изучает комплексы наивысшей полноты – ноогеоценозы, которые образуют наружный «слой» Земли как планеты [2, с. 30]. Ноогеоценозы – это уже не абстрактные пространственно-временные системы, но...

Стремление географов-методологов к выделению «предельного» предмета географии в виде, например, ноогеоценозов приводит к укреплению позиций теоретической географии, но не избавляет других географов и экономистов-регионалистов от их обязанности изучать все разнообразие пространственных природных и общественных систем и комплексов. Поэтому, оставив понятие о ноогеоценозах «на потом», будем считать,

что «предельным» предметом географии природы являются геосистемы (по В.Б. Сочаве¹), а географии общества – интегральные социально-экономические районы (по Н.Н. Колосовскому), с пониманием того, что ключевое понятие экономики – хозяйство – состоит из природных, технических и социальных элементов. Районирование природной среды общества и районирование хозяйства, включая его природную среду, составляют общую совокупность исследовательских технологий по поводу научного обоснования геосистемной организации общества.

География общества как наука о пространственных системах «природная среда – население – хозяйство» планетарной, региональной и топологической размерности – это и есть нерасчлененная (единая) география.

С позиции данного тезиса вернемся к вопросу о междисциплинарности.

В рубрикаторе географических наук (2015 г.) числится пять крупных блоков (семейств), 15 комплексов наук и 140 отраслей и разделов. Все это синтезировать в рамках географии общества не представляется возможным, да, по-видимому, и не нужно. Необходимы какие-то практические и теоретические ограничения.

Первое – синтез географических знаний предельно достаточен, если с его помощью можно сформировать пространственное мышление человека и его умение позиционировать себя одновременно в природных, социальных, экономических, этнокультурных, политических, духовных и других пространствах. Данную совокупность знаний можно обозначить понятием «геокультура».

Второе – синтез географических знаний предельно достаточен, если с его помощью можно сформировать систему индикаторов, норм и правил рационального природопользования и территориальной организации общества. Эту систему знаний назовем «геопланирование».

Третье – синтез географических знаний о планете Земля должен обеспечить понимание глобальных проблем жизнедеятельности всех народов, ее населяющих. Реализация данного понимания в межгосударственном диалоге и соответствующих нормах и правилах международной деятельности есть «геополитика».

Геокультура, геопланирование и геополитика имеют междисциплинарную основу – учение о природных геосистемах и учение о социально-экономических районах – общественных геосистемах.

¹ «...земные пространства всех размерностей, где отдельные компоненты природы находятся в системной связи друг с другом, и как определенная целостность взаимодействуют с космической сферой и человеческим обществом» [10, с. 14].

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ, КАМЕРАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Начиная с XVII, но особенно с середины XVIII в., получила развитие камеральная статистика как отрасль государственного управления с научно обоснованными количественными характеристиками стран и районов. Экономическая география особым образом стала связана со статистикой; длительное время они развивались в полном единстве. Этап «слитного существования», признаки которого прослеживаются до сих пор, особенно в школьных и вузовских учебниках, свидетельствует об устойчивых традициях статистико-географических описаний. Необходимо было предпринять специальные усилия на разъединение их предметов, и это стало почвой для весьма серьезных методологических разногласий, вплоть до возникновения конфликтных ситуаций среди географов-экономистов. Положительным итогом данного конфликта можно считать появление методологического понимания междисциплинарности отношения статистического и экономико-географического.

Может быть, ученые, занимающиеся географией России, начиная с М.В. Ломоносова¹, первыми в научном сообществе осознали тот факт, что междисциплинарность служит признаком уровня развитости исследований при условии, если с помощью смежных наук существенные характеристики изучаемых объектов и процессов углубляются, но не подменяются атрибутами внешнего описания. Статистика, если она не отражает взаимосвязь в системе «пространство – время», к социально-экономической географии прямого отношения не имеет. Поэтому постепенно сформировалось понимание необходимости целенаправленного преобразования статистических и других разрозненных сведений о провинциях, губерниях, уездах, волостях... в географические знания.

Автор этот вопрос рассмотрел специально [5] и пришел к выводу, что диалектика взаимосвязи статистики и экономической географии заключается в том, что исчисление специальных показателей географического разделения труда, специализации районов, территориального ком-

¹ М.В. Ломоносов первым обозначил науку «экономическая география» и ввел понятие «экономическая ландкарта». Общий взгляд на труды М.В. Ломоносова по экономической географии позволяет сформулировать три основополагающих тезиса:

1) географическое изучение страны и ее районов тогда лишь становится целостным, когда осуществляется интеграция знаний и усилий ради развития производительных сил общества;

2) география изучает в основном не внешние формы расположения объектов, а внутренние источники развития конкретной местности;

3) география служит народу и прививает ему культуру пространственного поведения, но и сама она связана с мнением людей о своих условиях жизни и результатах труда (М.В. Ломоносов составил программу статистического наблюдения из 30 вопросов для получения с мест сведений о природных ресурсах, хозяйстве и о «размножении и сохранении российского народа»).

бинирования и кооперирования... – всего того, что отражает структуру, функционирование и развитие районов (т. е. суть самой социально-экономической географии), – представляет собой «переработку» статистических данных статистическими же методами. Борьба следовало бы не против статистико-отраслевого направления в географии (что незаслуженно получило нарицательное клеймо «деновщины»), а за научную достоверность статистических (экономико-метрических) показателей пространственных процессов и явлений. Именно последнее способствует формированию географического заказа на углубление содержания региональной статистики.

С одной стороны, совершенствование статистической науки в значительной мере предопределяет уровень экономико-географических исследований, с другой – экономическая география расширяет круг статистических показателей пространственного развития, что и иллюстрирует методологический смысл такого рода междисциплинарности.

Не столь исторически удален вопрос о соотношении социально-экономической географии и региональной экономики. Споры были недолги, хотя сам вопрос до сих пор не получил однозначного ответа. Не исключено, что его (ответа) никто особенно и не ждет. Каждому изучающему проблемы пространственного развития было понятно, что оно многоаспектно и может быть изучено только на междисциплинарном уровне с помощью специальных исследовательских программ. Автор надеется, что ему удалось в какой-то мере показать технологию совмещения теорий социально-экономической географии и региональной экономики в рамках единого и неделимого исследовательского процесса по поводу содержания территориально-хозяйственных систем и экономических механизмов их формирования и совершенствования [6]. Но более убедительно это сделано применительно к пространственной экономике, актуализация теории и методологии которой обусловлена именно возвышением роли междисциплинарного синтеза в рамках конкретных исследовательских проектов [7].

УСЕЧЕННАЯ И ИСКУССТВЕННАЯ ГЕОСИСТЕМНОСТЬ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Являются ли Север России в целом или Арктика в частности геосистемными образованиями?

У Севера в целом есть лишь один признак геосистемности – территория водосбора Северного Ледовитого океана. В таком случае, Север должен иметь природную южную границу по линии мирового водораздела. В таких границах он рассматривается гидрологами и иногда – геологами, но это не

соотносится с общими представлениями о Севере и проблемах его социально-экономического развития.

Арктику до геосистемного уровня «могут дотянуть» климатологи и биологи, изучающие тундру. Но и они сразу же оговаривают условность такого действия, полагая, что существует множество природно-климатических комплексов и, соответственно, геобиоценозов.

Искусственная геосистемность Арктики фиксируется также ее циркумполярной проекцией, когда необходимо показать единое геополитическое пространство как проблемное в плане правовой делимитации – выделения национальных секторов в Северном Ледовитом океане, но не более того [4].

Здесь нет и социально-экономической системности. Системно-структурные параметры больших территориально-экономических единиц устанавливаются исходя из определенной меры хозяйственной самодостаточности, что, в свою очередь, требует сопряжения показателей общественного воспроизводства (площади территории, природных ресурсов и условий, численности населения и трудовых ресурсов, материально-технической базы, объемов производства и потребления, историко-культурного потенциала, а главное – их пространственно-временной связности). Только при таком условии производительные силы и производственные отношения приобретают общественный характер. Эту позицию правомерно отстаивал Н.Н. Колосовский, конструируя параметры крупного экономического района путем по возможности наиболее полного согласования природно-ресурсной, производственной, расселенческой (экистической) и инфраструктурной подсистем народного хозяйства. Он показал, что и на других уровнях районирования такое согласование возможно, но там согласуются отдельные элементы производительных сил, а в крупном экономическом районе – их системы.

Пространственное развитие России в историческом плане смотрится как переход от территориальных приобретений к формированию новых крупных экономических районов – самодостаточных, но не замкнутых. Этот процесс наиболее конструктивно и интенсивно протекал при разработке и реализации Плана ГОЭЛРО в 1920–1930 гг., что может служить примером классического междисциплинарного подхода к территориальной организации народного хозяйства [8]. В настоящее время его (процесс районирования) можно обозначить как вялотекущий. Чтобы сделать переход от освоения территории вширь (сейчас это ярко прослеживается в арктическом энтузиазме) к освоению вглубь, качественному преобразованию пространственных взаимосвязей элементов природы, населения и хозяйства, необходим новый План ГОЭЛРО с выделением крупных экономических районов и

ряда ключевых территориально-производственных комплексов как единиц программно-целевого планирования.

Северные и арктические территории, в каком бы сочетании мы их ни рассматривали, всегда будут частью какого-то (не только северного) крупного экономического района. Именно в их границах, а также в границах административно-территориальных единиц, необходимо рассматривать конкретные проблемы, адресованные соответствующим распорядительным центрам. К таким проблемам можно отнести, например, неудовлетворительное исполнение столичных функций областными, республиканскими и окружными центрами, неопределенность допустимых пределов стягивания населения периферии в данные центры и крупные города, трудности поддержания их на высоком культурном и научно-техническом уровне и др. Свои пространственные параметры имеют проблемы развития городов и районов нефтегазовой и горнорудной специализации, в том числе и по поводу их взаимосвязи с оленеводством и сельским хозяйством. С «затуханием» горно-обогатительных и нефтепромысловых предприятий в критическую ситуацию попадают оленеводы, а также работники сферы обслуживания, из-за снижения спроса на их продукцию и услуги. Заметим, в городах и районах лесопромышленной и сельскохозяйственной специализации проживает четверть населения Севера. Устойчивое развитие этих территорий становится первостепенной проблемой не столько по производству, сколько по выбору новых форм социального обеспечения жителей лесных поселков, сел и деревень. Районы оленеводства, овцеводства и коневодства, не имеющие городов и существующие относительно автономно, зачастую натуральным хозяйством, по идее постиндустриального развития должны быть преобразованы на новой технической и социальной основе, но не ущемляющей традиционный уклад жизни. Найти для этого правильное решение весьма трудно. Проблемная ситуация сложилась в рыбной промышленности, от уровня организации которой зависит жизнь более 300 тыс. северян. Определенные проблемы имеют закрытые административно-территориальные образования (ЗАО), в том числе по их продовольственному и промтоварному обеспечению и необходимости увеличения в данном обеспечении доли местной экономики, что поможет адаптации персонала ЗАО к сложным природным условиям Севера и Арктики.

Северная природно-экономическая зона (включая Арктику) не является ни системой, ни субъектом хозяйствования. Забота о Севере в целом есть миссия всего общества и государства, их институтов, в том числе и науки. Проблемно-программный аспект развития северных территорий смещается на региональный и локальный уровни управления.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС

На субрегиональном и локальном уровнях общественная геосистема проявляет себя в качестве территориального природно-хозяйственного комплекса. Приведем два примера.

Пример геосистемности *Карело-Кольского природно-хозяйственного комплекса*: Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, денудационные (обнаженные, слегка прикрытые рыхлыми четвертичными отложениями) равнины, сложный горный рельеф, активная рудная и нерудная минерализация; обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря; пограничное (скандинаво-финское) положение.

В его границах Мурманская область и Республика Карелия совместно решают (или должны решать) задачи общероссийского уровня: модернизации минерально-сырьевого и лесопромышленных комплексов, обустройства прибрежной полосы Белого моря, совершенствования межрегиональных транспортных и электроэнергетических коммуникаций, создания взаимодополняющих комплексов науки и высшего образования, развития туризма и создания природоохранных систем с учетом мирового значения меридиональной озерной полосы, формирования ареалов северного экологически чистого земледелия, координации взаимоотношений с Финляндией, Швецией и Норвегией.

Пример геосистемности *Двино-Печорского природно-хозяйственного комплекса*: северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с весьма активной тектоникой и минералообразованием (геологический потенциал северо-востока Русской платформы вместе с северным и полярным Уралом в 5–6 раз выше, чем ее остальных частей, что выразилось в накоплении углеводородов и концентрации твердых полезных ископаемых); полноводные реки, которые могли бы использоваться как транспортные артерии и источники рыболовства, обширные заливы Белого моря, ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел; этнокультурная специфика.

Для Двино-Печорского комплекса (Вологодской, Архангельской областей, Республики Коми и Ненецкого автономного округа) наиболее актуальными и общими являются проблемы комплексного использования ресурсов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания. В лесном хозяйстве первостепенными здесь становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз,

связанных с нежелательной сменой лесообразующих пород и усыханием еловых лесов. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и зоне смешанных лесов определяется мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранением мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства.

В формировании свойств и качеств геосистемности Карело-Кольского комплекса большую роль играют озера, Двино-Печорского – реки. Печора, Северная Двина, Мезень, Онега с притоками (реками второго и третьего порядка) имеют как бы единый бассейн. Они в равной мере предопределяют конфигурацию расселения населения, роль судоходства и водоснабжения, североарктический вектор хозяйственного освоения территории, экологические параметры охраны окружающей среды. Однако ситуация последних 20 лет относительно содержания рек в гидрографическом порядке удручающая. Реки вышли из-под контроля человека. Отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов привело к значительному ухудшению режима водотоков: более разрушительными стали половодья, увеличилось число меандров и затонов, «затянуло» фарватер, возникли непроходимые судами с 50–80-сантиметровым погружением барьеры в устьях притоков.

Оба природно-хозяйственных комплекса европейского Севера России имеют пространственные характеристики, свойственные уже освоенным территориям, то есть со сложившимся каркасом размещения производства и расселения населения. Для них характерно разнообразие форм территориальной организации хозяйства и расселения населения. Главное направление развития – сохранение и модернизация этих форм на основе научно-технических достижений, укрепление внутренних и межрегиональных связей. «Освоение вширь» здесь практически закончилось, но остается задача «освоения вглубь», связанная с новыми подходами к сохранению и рациональному использованию природно-ресурсного потенциала, развитию и размещению профильных отраслей хозяйства. В определенной мере это относится и к азиатскому Северу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономическая география и проводимый в ее рамках междисциплинарный синтез не охватывают всех проблем пространственного развития Арктики и Севера. Вместе с тем, необходимость междисциплинарного подхода к решению определенной совокупности взаимосвязанных проблем объективно обусловлена все возрастающим проникновением природных факторов и условий в проблематику социальных процессов. На этой основе усиливается значение той дисциплины социально-экономической

географии, которая изучает пространственную организацию социумов как взаимосвязанную совокупность их природных, экономических и духовных элементов – общественных геосистем, в том числе – территориальных природно-хозяйственных комплексов.

Практическая интерпретация «пространственных» теорий (географических, экономических, социальных и др.) применительно к Северу и Арктике заключается в перемещении проблематики «освоения вширь» на второй план; первостепенным становится «освоение вглубь» с усилением межрегиональной интеграции по линии «Север – Юг». Такая позиция не соответствует чрезмерной политизации арктической тематики, характерной для текущего момента, но именно она предопределяет авторскую позицию по поводу жизни на Севере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арманд Д.Л.* Наука о ландшафте (Основы теории и логико-математические методы). М.: Мысль, 1975. 287 с.
2. *Ишмуратов Б.М.* География – кризис идентичности // Географические исследования Сибири. В 5 т. Т. 5. Общественная география / Ин-т географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Новосибирск: Гео, 2007. 374 с.
3. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 345 с.
4. *Краснопольский Б.Х.* Национальная и глобальная инфраструктура Арктической зоны АТР: новые вызовы // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 165–179. DOI: 10.14530/se.2015.2.165-179.
5. *Лаженцев В.Н.* Статистика и экономическая география (исторические и методологические предпосылки взаимного развития) // Известия РГО. 2006. Вып. 2. С. 48–55.
6. *Лаженцев В.Н.* Содержание, системная организация и планирование территориального развития / отв. ред. А.И. Татаркин; Ин-т соц.-экон. и энергет. проблем Севера УрО РАН. Сыктывкар, 2014. 236 с.
7. *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
8. План электрификации РСФСР (ГОЭЛРО). М.: Госполитиздат, 1955. 667 с.
9. *Саушкин Ю.Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М.: Просвещение, 1980. 269 с.
10. *Сочава В.Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
11. Траектория проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Неёлова и др. Новосибирск: Наука, 2011. 440 с.

SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS IN THE STUDY OF THE RUSSIAN NORTH AND ARCTIC

V.N. Lazhentsev

Lazhentsev Vitaliy Nikolaevich – Doctor of Geography, Corresponding Member of RAS, Leading Researcher. Institute of SocioEconomic and Energy Problems of the North, Komi SC UB RAS, 26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Russia, 167982. E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru.

The North and the Arctic are legitimate objects of interdisciplinary research, the methodology of which involves the content subjects of sciences themselves. To solve complex problems the author proposes informal convergence of sciences by mating the key concepts of each scientific discipline, included in the research project, and targeted using a variety of analytical methods. The most important aspects of interdisciplinarity are internal characteristics of the research object, not its external (multi-dimensional) attributes of description. Socio-economic geography plays the most important role in studying the North and the Arctic, if it is included in an interdisciplinary synthesis (along with physical geography, statistics, regional economy, sociology, etc.) by its «final part» – the scientific discipline that studies territorial natural-economic complexes. The latter are represented as a social geosystems, having approximately equal to the dimension of natural geosystems. With such approach to the interdisciplinarity, the North and the Arctic, taken as a whole, are not socio-economic systems, and therefore their main issues turn on the local and regional levels.

Keywords: the North, the Arctic, geography, interdisciplinary synthesis, geosystems, natural-economic complex.

REFERENCES

1. Armand D.L. *Science of Landscape (Fundamentals of the Theory and Logic-Mathematical Methods)*. Moscow, 1975, 287 p. (In Russian).
2. Ishmuratov B.M. Geography. Identity Crisis. *Geographical Research of Siberia. In 5 Volumes. Vol. 5. Human Geography*. V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Novosibirsk, 2007, 374 p. (In Russian).
3. Kolosovskiy N.N. *Theory of Economic Zoning*. Moscow, 1969, 345 p. (In Russian).
4. Krasnopolskiy B.Kh. National and Global Infrastructure of the Arctic Zone of the APR: New Challenges. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2015, no. 2, pp. 165–179. DOI: 10.14530/se.2015.2.165-179. (In Russian).
5. Lazhentsev V.N. Statistics and Economical Geography (Historical and Methodological Suppositions of Mutual Development). *Izvestiya RGO – Regional Research of Russia*, 2006, vol. 138, no. 2, pp. 48–55. (In Russian).
6. Lazhentsev V.N. *Content, System Organization and Planning of Territorial Development*. Edited by A.I. Tatarkin. Syktyvkar: Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North UB RAS, 2014. 236 c. (In Russian).
7. Minakir P.A., Demyanenko A.N. *Essays on Spatial Economics*. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2014, 272 p. (In Russian).
8. *Russian SFSR Electrification Plan (GOELRO Plan)*. Moscow, 1955, 667 p. (In Russian).
9. Saushkin Yu.G. *Geographical Science in the Past, Present, Future*. Moscow, 1980, 269 p. (In Russian).
10. Sochava V.B. *Introduction to the Learning of Geosystems*. Novosibirsk, 1978, 319 p. (In Russian).
11. *Trajectory of Projects in the High Latitudes*. Edited by Yu.V. Neyolov. Novosibirsk, 2011, 440 p. (In Russian).